

УДК 32

Трансформация политического режима России в концептах демократического транзита и в политической реальности

Потапов Денис Викторович

Аспирант кафедры мировой политики и международных отношений,
Воронежский государственный университет,
394018, Российская Федерация, Воронеж, Университетская площадь, 1;
e-mail: dvpw@yandex.ru

Аннотация

В статье проведено сопоставление этапов трансформации политического режима России с концептами демократического транзита. Рассмотрены особенности «внесистемного» режима начала 90-х годов, «состязательной олигархии» и «патронажного президентства» Б. Ельцина, стартовые условия и начальный этап формирования политического режима В. Путина и его критика в концептах демократического транзита. Показано, что субъектом трансформации политического режима России до недавнего времени была финансово-политическая элита США, для которой и представители позднесоветской элиты, и «новые» политики, чиновники, олигархи – все они являлись и являются всего лишь объектами отбора и селекции. Доказано, что наиболее точный термин для обозначения сути политического режима В. Путина, на протяжении двух десятилетий постепенно трансформировавшегося из объекта управления, кризисного менеджера корпорации «Россия» / исполнительного директора колониальной администрации в самостоятельный субъект, харизматического лидера / вождя нации – «резидентура разведки во враждебном окружении». Обоснованы авторские выводы о том, что трансформация политического режима России является не однонаправленным (поступательным, от «авторитаризма» к «демократии»), а циклическим (возвратно-поступательным) процессом возрастания и спада политической субъектности. Трансформацию политического режима России следует рассматривать в парадигме суверенного (а не демократического) транзита: в отличие от западного демократического общества, «сакральной ценностью» для народов, проживающих на территории России, на протяжении столетий и по сей день является национальный суверенитет, т.е. власть вождя-суверена, защищающего свою общину от любых угроз извне. Показано, как происходит активизация завоевания политического пространства новой элитой, для которой жизненно необходим государственный суверенитет. В ближайшей перспективе – подготовка политического режима «резидентуры во враждебном окружении» к существенным переменам.

Для цитирования в научных исследованиях

Потапов Д.В. Трансформация политического режима России в концептах демократического транзита и в политической реальности // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 4А. С. 27-49.

Ключевые слова

Политический режим, трансформация, демократический транзит, финансово-политическая элита, президент, властвование, легитимность.

Введение

Постулирование безальтернативной направленности трансформации политических режимов от авторитаризма к демократии привело к тому, что к концу XX века транзитология утратила предсказательную силу научной теории и стала идеологическим конструктом, основанном на политическом мифе об исключительности США. Несмотря на это, многие зарубежные и отечественные авторы продолжают выдвигать все новые концепции демократического транзита [Потапов, 2018]. В данном исследовании мы сопоставляем этапы трансформации политического режима России с концептами демократического транзита.

«Внесистемный» политический режим начала 90-х

Такие авторы, как И. Клямкин и Л. Шевцова [Клямкин, Шевцова, 1999], а вслед за ними зарубежные исследователи, к примеру М. Mommsen [Mommsen, 2008; Mommsen, 2009], характеризуют политический режим России начала 90-х годов как «внесистемный».

Однако, вопреки их оценке, в политической реальности трансформация советского режима протекала в полном соответствии с многократно апробированными США технологиями «foreign assistance on democracy building» [Finkel, 2007], «international diffusion of democracy» [Elkink, 2011], «democracy promotion» [Schraeder, 2003; Burnell, 2008; Magen, Risse, McFaul, 2009] и т.п.

Деловые обычаи и традиции корпоративного бизнеса и политики глобального доминирования США на протяжении всего XX века на системной основе обеспечивали расширение доступа американских корпораций к природным ресурсам и рынкам путем ограничения политической субъектности других государств [Goldgeier, McFaul, 2003]. «Высокооплачиваемые профессионалы, не стесненные никакими ограничениями (так называемые «economic hit men»), применяли самые разные методы для убеждения мировых лидеров стать частью обширной сети продвижения американских интересов, чтобы США имели возможность опереться на них для удовлетворения политических, экономических или военных интересов всякий раз, когда того пожелают» [Perkins, 2008]. На картине поздне-советского политического ландшафта тех лет «из-за каждого куста торчали уши» США.

К концу XX века в СССР завершилось формирование неписаных правил патримониального отправления власти. Фактически возродилось сословное общество XVIII-XIX веков, когда идеология, законы и институты, обеспечивающие их исполнение, создавались исключительно для «низших сословий» - представители же «высшего сословия» жили по неписаным правилам, главным из которых было четкое понимание своего места в патронажно-клиентарной сети [Крыштановская, 1995; Kryshatanovskaya, White, 2005; Huskey, 2009].

Однако из мировой политической истории следует, что самое тщательное соблюдение бюрократических традиций и правил патримониального отправления власти еще ни одному государству не гарантировало устойчивости политического режима [Bach, 2011]. Ни одному патримониальному властителю не удавалось длительное время сохранять социально-политическую стабильность и территориальную целостность в условиях активных действий по ограничению его политической субъектности со стороны другого государства и неприятия социально активной частью «низших сословий» несправедливого, по их мнению, сословного разделения (означающего, в частности, эрозию и вырождение «высших сословий» из-за неработающих «социальных лифтов» – низкой эффективности рекрутирования в элиты талантливой, но «безродной» молодежи) [Charrad, Adams, 2011].

В начале XX века Российская империя распалась под тяжестью обострившихся противоречий между сословиями, – и возродилась, когда этих противоречий не стало. Однако этот процесс немедленно возобновился, как только началось возрождение сословного устройства общества. К концу века распад империи, управляемой в традициях патримониального отправления власти, стал неизбежен [Тризмэн, 2012].

Как и в начале века, «высшее сословие» продемонстрировало неспособность пожертвовать частью своих привилегий ради сохранения государства. Из-за внезапно распространившейся среди них иллюзии возможности легко интегрироваться в мировое сообщество и стать равноправными членами мировой финансово-политической элиты они предпочли пожертвовать значительной частью суверенитета и политической субъектности своей «слишком большой» страны.

В июне 1990 года Съезд народных депутатов РСФСР принял «Декларацию о государственном суверенитете», устанавливавшую примат республиканских законов над союзными; в августе 1991 года Президент СССР М. Горбачев был отстранен от власти [там же, 2012]. Наспех организованный Государственный комитет по чрезвычайному положению предпринял «безграмотную, необдуманную, нерешительную попытку сохранить страну» [Интервью А.В. Руцкого, 2018, www]. Для защиты Верховного совета и Президента России москвичи встали на баррикады. Был момент, когда Б. Ельцин, находясь «в осаде» и считая вполне реальной угрозой своей жизни, уговаривал Р. Хасбулатова покинуть осажденное здание и искать убежища в американском посольстве: «[Ельцин] не просто предлагал [бежать], а уговаривал меня: "Давайте, а не то нас убьют, через полчаса будет штурм"» [Никитина, 2018, www]. Подтверждает это и А. Руцкой [Интервью А.В. Руцкого, 2018, www].

Уровень разложения позднесоветской элиты под воздействием «методов убеждения мировых лидеров стать частью обширной сети продвижения американских интересов» [Perkins, 2008] был столь велик, что высокопоставленный партийный функционер, с 1968 года сделавший карьеру от заведующего отделом строительства Свердловского обкома до секретаря ЦК КПСС, возглавившего в 1985 году партийную организацию Москвы [Биография Президента России Б. Ельцина, 2015, www], едва почувствовав опасность, был готов обратиться к «главному идеологическому противнику» за убежищем и защитой. (Совсем недавно за такое намерение «простые» граждане СССР немедленно с позором исключались из партии, лишались должности и, как «изменники Родине», подвергались всеобщему остракизму.) [Тризмэн, 2012]).

СССР был обречен. Отказавшись от необъятных – фактически императорских – полномочий Генерального секретаря ЦК КПСС, согласившись на непривычный, а потому нелегитимный в глазах позднесоветской элиты статус Президента СССР, М. Горбачев в одночасье перестал быть «патримониальным властителем – авторитетом нравов, освященных традицией, и привычной ориентации на их соблюдение»: во всех патримониальных государствах, рано или поздно начиналась децентрализация, вызванная борьбой за власть между ослабевающим патримониальным властителем и его клиентелой [Weber, 2012]. Лидеры региональных элит, доложив о создании «новых независимых государств» Дж. Бушу-старшему – раньше, чем они об этом известили М. Горбачева, продемонстрировали готовность признать президента США своим патримониальным властителем: сказалась привычка позднесоветской элиты при любых переменах первым делом «закреплять» свое место в новой патронажно-клиентарной сети.

На протяжении 1992-1993 годов в России нарастали противоречия между законодательной и исполнительной властью. Их главной причиной было недовольство депутатов Верховного Совета РФ теми преобразованиями, которые проводил президент, правительство и его

советники – более 300 внезапно появившихся американских специалистов [Тризма, 2012].

В ноябре 1991 года был создан Государственный комитет России по управлению государственным имуществом (Госкомимущество). В июле 1992 года его председатель А. Чубайс создал «Отдел технической помощи и экспертизы», в котором работало 35 американских советников [Биография А. Чубайса, 2015, www]. Оценивая работу Госкомимущества в 1991-1993 годах, В. Полеванов (в 1994 году 70 дней проработавший руководителем этой организации), отмечал: «Аукционы по продаже предприятий проводились между приближенными по указаниям американцев. Именно американцы устанавливали правила игры, поэтому все лучшее из предприятий попадало к ним. Практически на всех оборонных предприятиях были созданы совместные с американскими предприятия. На правах их совладельцев американцы входили в Советы директоров. Они получили полный доступ к информации о том, что и как производится на этих предприятиях. Даже на заводе ракетно-космической отрасли, который на 97% был загружен заказами Генштаба, в Советы директоров вошли американцы» [Интервью В.П. Полеванова, 2018, www].

По словам А. Чубайса в интервью «The Financial Times», «ускоренная приватизация в России была проведена исключительно с целью борьбы за власть с коммунистическими руководителями: «Нам нужно было от них избавляться, а у нас не было на это времени. Счет шел не на месяцы, а на дни» (цит. по: [Биография Чубайса, 2015, www]).

По оценкам американских политиков, эта спешка «позволила США купить СССР по ценовому соотношению «копейка за рубль». Российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме. Они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег, и поскорее» (цит. по [Интервью В.П. Полеванова, 2018, www]).

Распродажа «за копейки» российской промышленности во имя победы президента над политической оппозицией, как и многие другие указы Б. Ельцина, не могли не вызвать острую критику и противодействие со стороны Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ. В ответ в сентябре 1993 года президент выпустил Указ о прекращении их полномочий. Поскольку депутаты сочли этот Указ противоречащим Конституции, Б. Ельцин фактически организовал «государственный переворот – по той же технологии, что четверть века спустя была использована на украинском майдане. Организовав отстрел наемными снайперами граждан, военнослужащих, сотрудников милиции, поддержавших высший орган государственной власти, президент затем отдал приказ расстрелять из танковых орудий здание Верховного Совета» [Интервью Руцкого, 2018, www].

По явно заниженным оценкам Ельцин-центра, тогда погибло более 150 человек [Биография Президента России Б. Ельцина, 2015, www]. Несмотря на это, как следует из рассекреченных США стенограмм телефонных разговоров Б. Клинтона с Б. Ельциным, уже через два дня после расстрела Верховного Совета американский президент позвонил российскому коллеге и заявил о своей поддержке, отметив, что «теперь в России нет препятствий для демократических выборов» [Goldgeier, 2018, www]. Вероятно, одобрение Б. Клинтон этого кровавого государственного переворота позволило некоторым авторам сделать вывод: «после октября 1993 г. политический режим России стал отчасти демократическим, хотя выборы были единственным реально функционирующим демократическим институтом» [Дыханов, 2017, www].

Однако, как отмечают другие исследователи, «уже в 1995 году формирование правовой базы демократического государства (в формате президентской республики) было фактически

приостановлено» [Лепехин, 2018, www], что, в общем-то, совершенно не удивительно: через год предстояли очередные президентские выборы и шансы победить на них у Б. Ельцина были совсем невелики. Большое влияние на результаты «демократических выборов» 1996 года оказало прямое вмешательство США. В телефонных разговорах Б. Ельцин шантажировал «друга Билла» последствиями возвращения к власти коммунистов и просил помочь с кредитом в 2,5 млрд долларов «на выборы». И Б. Клинтон добился досрочного выделения МВФ траншей кредита, ранее обещанных России только после выборов [Goldgeier, 2018]. В посольство США диппочтой были доставлены 500 млн наличных долларов (якобы для обмена старых и ветхих купюр), а в администрацию Б. Ельцина была направлена группа американских «полит-консультантов» [Тризма, 2012].

Однако решающей силой на президентских выборах 1996 года стала, по словам А. Чубайса, «группа магнатов, которым в обмен на займы и поддержку тяжело больного Ельцина были переданы самые ценные и крупные российские активы. Передача олигархам контроля над предприятиями с сотнями тысяч рабочих помогла обрести административный ресурс, который предотвратил победу оппозиционной компартии на президентских выборах. Если бы мы не провели залоговую приватизацию, то коммунисты выиграли бы президентские выборы 1996 года» (цит. по [Биография Чубайса, 2015, www]).

Политический режим «состязательной олигархии» и «патронажного президентства» Б. Ельцина

В аналитическом дискурсе исследований трансформации политического режима во второй половине 1990-х годов преобладали такие понятия, как «суперпрезидентство» и «выборная монархия» [Bos, Mommsen, Steinsdorff, 2003]. Режим также трактовался как «состязательная олигархия» – термин, который в 70-х годах R. Dahl использовал для обозначения одной из стадий перехода от авторитаризма к демократии [Dahl, 1971].

М. Моммзен [Моммзен, 2010, www] пишет о политическом режиме Б. Ельцина как о «наследии патримониальных, традиционалистских, архаичных, технократических и советских элементов; сутью российского «патронажного президентства» выступает тотальное взаимное переплетение и проникновение бизнеса и политики. Это влечет за собой расцвет неформальных практик, закрытость, фаворитизм и коррупцию. Концептуализация, внедрение и согласование политики здесь представляет собой довольно длительную и сложную процедуру, в ходе которой компромиссы достигаются только между случайными и временными коалициями. Принимаемым таким образом решениям не хватает устойчивости, и потому они часто не доводятся до конца. Бюрократическая интрига подменяет демократический контроль; подобные формы правления не знают, что такое политическая ответственность. Таким образом, решения, принимаемые на самом верху, лишены функциональной эффективности, а политический режим в целом всегда испытывает дефицит стабильности».

Масштабная приватизация повлекла за собой перераспределение капитала, но не повлияла на традиции патримониального отправления власти, – в России довольно быстро восстановились типичные советские практики [Hensell, 2009].

После успеха на президентских выборах 1996 годах Б. Ельцин стал вести себя как высокопоставленный участник патронажно-клиентарной сети (верховным патримониальным властителем он почему-то считал президента США); его клиентелой стали кланы олигархов и

представителей высшей государственной бюрократии, получившие за поддержку на выборах различные государственные должности и привилегии [Ганжа, 2018].

Выполняя свои обязательства в рамках договорности об обеспечении переизбрания на новый президентский срок, президентом было принято решение об инкорпорации ряда олигархов в формальную вертикаль власти; в частности, В. Потанин стал вице-премьером, Б. Березовский занял пост заместителя Секретаря Совета безопасности РФ и т.д. Государственная бюрократия, с одной стороны, и «состязательная олигархия» – с другой составили две неразрывно связанные компоненты политического режима России [Robinson, 2011].

В субъектах РФ также восстанавливались патронажно-клиентарные сети; формирование региональных/локальных политических режимов происходило в условиях относительной автономности и закрытости регионов по отношению к центральной власти [Копеева, 2013].

Неустранимым недостатком политического режима «патронажного президентства» и «состязательной олигархии» (безумно раздражавших американцев) было полное отсутствие стабильности и предсказуемости: «как только кто-либо добивался успеха, немедленно выяснялось, что победивший клан – это не сплоченная группа, а банка с пауками, которые, стремясь поделить добычу, начинают очередную междоусобную войну» [Хазин, 2018, www].

Разрешение непрерывно возникающих противоречий между кланами было вопиюще неэффективным. В результате в 1998 году их финансово-экономическая политика привела к дефолту по государственным ценным бумагам: Россия больше не могла выплачивать проценты по государственным казначейским обязательствам, продажа которых к тому времени стала едва ли не основным источником пополнения бюджета.

После дефолта власть начала стремительно уходить из рук Б. Ельцина. По свидетельству М.Л. Хазина [там же], в 1999 году проамериканская бюрократия полностью взяла под контроль правительство, окончательно выдавив из него все альтернативные элитные группы, и США стал не нужен излишне капризный и своевольный «пережиток прошлого», возомнивший себя «клиентом» президента США.

«Определяющим признаком патримониального правления служит личностный, а не формально-правовой характер отношений власти, поскольку правитель как глава патримониальной бюрократии не связан какими-либо формальными правилами и во многих случаях мог действовать совершенно произвольно» [Baranov, Mamuchev, Ovchinnikov, 2015, www]. В патримониальном государстве непременно формировались патронажно-клиентарные отношения внутри кланов и между кланами (группами): частичное господство, когда патрон способен навязывать свою волю, но его клиента сохраняет контроль над собственными ресурсами, не лишаясь некоторой автономии и субъектности; равное и неравное партнерство между кланами сопоставимого статуса, когда они обмениваются ресурсами, заключают временные коалиции; конкуренция, борьба вплоть до открытых конфликтов за дефицитные позиции и ресурсы [Розов, 2015]. Но почему США должны терпеть это самое «частичное господство» в своей колонии? Ведь «Россия фактически перестала быть суверенной страной» [Интервью В.П. Полеванова, 2018, www]. А ее метрополия, США – «государство, где основанием легитимности политического режима является рационально-легальное / бюрократическое господство» [Beetham, 2013].

После установления контроля над Россией, при котором и олигархи, и «экономический блок правительства» подчинялись уже не президенту, а таким проамериканским международным институциям, как МВФ, патримониальный властитель со своей многоуровневой патронажно-клиентарной сетью стал просто не нужен. На выборах в 2000 году его должен был сменить надежный и беспроблемный менеджер колониальной администрации.

Б. Ельцин к этой роли был совершенно непригоден; все, что ему оставалось, – передать власть такому преемнику, который обеспечил бы после выборов клану «семьи Ельцина» физическую безопасность и неприкосновенность собственности. Президент остановился на В. Путине – главе ФСБ, который весной 1999 года стал еще и Секретарем Совета безопасности РФ.

Волевым решением назначить за год до президентских выборов начальника политической полиции «исполняющим обязанности» президента – это было очень по-американски, вполне соответствовало традициям «democracy promotion» в Южной Америке 1960 годов [Perkins, 2005].

Для США будущий преемник выглядел вполне благонадежным. Как отметил В. Катасонов [Катасонов, 2018, www], его продвижение по карьерной лестнице началось в 1990 году, когда «он отвечал за приватизацию в Санкт-Петербурге и действовал точно так же, как Чубайс в Москве». (Тот самый «непотопляемый» А. Чубайс, «основатель олигархического капитализма в России» [Биография А. Чубайса, 2015, www], которому, якобы, принадлежит афоризм «мы сломали россиян, но навязали стране дикий капитализм».) «Мы» – это «шайка преступных реформаторов» (цит. по [Интервью В.П. Полеванова, 2018, www]), в которую входил в том числе и В. Путин.

Стартовые условия и начальный этап формирования политического режима В. Путина

В наследство преемнику достался клубок проблем, накопившийся за годы правления Б. Ельцина.

1. В 1990 году в РФ было более 30 тысяч промышленных предприятий, после приватизации их стало в шесть раз меньше. Большинство предпринимателей нашли массу «лазеек», чтобы платить поменьше налогов. Основным источником пополнения бюджета стали кредиты и финансовая пирамида ГКО-ОФЗ (которая и стала причиной дефолта) [там же]. Возник риск массовой безработицы, для преодоления которой на предприятиях стали сокращать и продолжительность рабочего времени, и зарплаты. В результате ситуация с занятостью к середине 90-х внешне выглядела относительно благополучной, безработица составляла 4-5%; однако зарплаты катастрофически упали. Стал практиковаться наем на работу без официального оформления, т.е. без оплаты предприятиями налогов, социальных и пенсионных отчислений. Переход к рынку труда по модели «низкий уровень безработицы – низкие зарплаты – значительная роль теневой занятости – низкие социальные и пенсионные отчисления» привел к тому, что люди перестали рассчитывать на помощь и защиту государства, научились кое-как зарабатывать и разучились платить налоги и социальные отчисления [Бобков, 2012].

2. Все больше потенциально законопослушных людей оказывались вынуждены жить не «по закону», а «по понятиям», когда любое сотрудничество с органами внутренних дел жестко наказывается. Услуги по поддержанию правопорядка силами организованной преступности для значительной части населения стали существенно менее затратными по сравнению с аналогичными услугами, предоставляемыми государством. Произошло существенное возрастание доли населения, критически зависимо от криминальных доходов [Клейменов, 2015]. При проведении залоговых аукционов по коррупционным схемам представителей государственной бюрократии и руководителей предприятий подкупали, шантажировали, а тех, кто не соглашался, убивали [Интервью В.П. Полеванова, 2018, www].

3. Региональные кланы с возмущением смотрели на Москву, доведшую страну до дефолта. Их лидеры больше не могли рассчитывать на федеральный центр и были вынуждены

самостоятельно защищать свою клиентулу от конкуренции «чужих» олигархов. В стране практически отсутствовала «вертикаль власти», обострилась угроза сепаратизма [Ельцин, 2008].

В федеративной России продолжались процессы распада СССР. Если их вовремя не остановить, то в ближайшей перспективе могла начаться гражданская война и революция, в горниле которой возникли бы несколько новых тоталитарных государств, обладающих ядерным оружием.

К такому сценарию США готовы не были, именно это определило выбор кандидатуры В. Путина на должность президента РФ как кризисного менеджера – исполнительного директора колониальной администрации США.

Для решения поставленной метрополией стратегической задачи – обеспечения социально-политической стабильности, предсказуемости и управляемости всех субъектов федерации и государственных институтов – в России конца 90-х для исполнительного директора колониальной администрацией было совершенно недостаточно ни патримониальной, ни рационально-легальной / структурной легитимности.

Российскому социуму «присуще органическое сочетание индивидуализма с коллективизмом, регулярно порождающее творцов, отторгаемых основной частью общества и управленческих структур» [Деягин, 2018, www], и – продолжим эти слова – порождающее также «героев», харизматическое господство которых основано на особых личностных качествах вождя. Данная особенность не является чисто российской, уникальной.

О типах социума, определяющих существенные различия в политическом устройстве государств, еще в начале прошлого века писал германский философ W. Sombart (1863-1941) [Sombart, 2018]. Описывая различия между общиной (Gemeinschaft) и обществом (Gesellschaft), он отметил, что в общине властвуют «герои» (Helden), а в обществе – «торговцы», «торгаши», «собственники» (Händler). Последние создали индивидуалистическое, буржуазное государство с олигархической формой правления. Ей присуща структурная легитимность власти, которая, по словам предложившего этот термин D. Easton [Easton, 1965], опирается на приверженность граждан механизму и нормам политического режима с устоявшимися, отработанными механизмами формирования его институтов.

Но в России конца 90-х рационально-легальной по M. Weber (структурной – по D. Easton) легитимности кризисного менеджера было недостаточно: население совершенно не доверяло власти и никоим образом не было «привержено механизму и нормам политического режима».

Более того, в истории России всегда преобладало общинное устройство социума; в специфической российской модели идеального политического режима вождь непременно защищает свой народ от произвола бояр / номенклатуры / олигархов. В Византии она успешно использовалась властителями на протяжении тысячелетия. В России так правил Иван Грозный; к этой модели политического режима обратился И. Сталин – и его власть превратилась в «культ», который, собственно, и позволил мобилизовать страну для победы в Великой Отечественной войне.

В наши дни Россия также при малейшей возможности стремится жить общиной, которая наделяет власть сакральностью, желает и стремится обрести харизматического вождя, – только он может навести в стране порядок и приструнить современных «бояр» – олигархов и чиновников [Коровин, 2018].

D. Easton [Easton, 1965] выделял, наряду со структурной, «личную (персонализированную) легитимность, которая опирается на одобрение массами власти конкретного лидера. Люди доверяют этому лидеру, убеждены в его способности должным образом использовать

политическую власть. Личная легитимность близка к харизматической, но не тождественна ей. Харизма базируется на вере, близкой к фанатической, на преклонении и готовности подчиняться. Личная легитимность базируется на заслуженном авторитете, уважении».

Новый президент РФ (для США – исполнительный директор колониальной администрации, кризисный менеджер, не имеющий собственного пакета акций «корпорации Россия»), чтобы справиться с поставленными перед ним задачами, должен был выглядеть для «местного населения» как харизматический «вождь».

Обязательства перед «семьей Б. Ельцина» и США создали для преемника множество «красных линий» – ограничений, нарушение которых грозило ему потерей не только власти.

В традициях американского корпоративного властвования он был, образно говоря, помещен в «клетку» из «красных линий», которая была достаточно просторной, чтобы «заключенный» мог выглядеть легитимным в глазах местного населения – как «харизматический властитель» (по М. Weber) или хотя бы как «лидер, обладающий личной легитимностью» (по D. Easton).

Его полномочия и сферы деятельности были достаточно жестко ограничены. Значительная часть управленческих решений была возложена на экономический блок правительства и других представителей метрополии.

В этих условиях задача «усмирения» кланов олигархов и представителей высшей государственной бюрократии, входивших в патронажно-клиентарную сеть Б. Ельцина, была весьма сложной, требовала «нестандартных» подходов и решений.

Новый президент никому не мог доверять, ему не на кого было положиться. Свою «властную вертикаль» и аппарат управления он был вынужден создавать «с нуля» – как резидентуру разведки на территории враждебного государства, опираясь на узкий круг бывших коллег в привычной для них весьма специфической парадигме политического сыска.

Для социологов и политологов, оценивавших происходящее, логика решений президента была просто непонятна, хотя, на наш взгляд, если выйти за рамки парадигмы демократического транзита и опираться на обычную житейскую мудрость, ничего загадочного в поступках главы резидентуры под названием «администрация президента РФ» не наблюдалось.

Новый президент вполне предсказуемо начал с того, что по мере возможности стал назначать на должности глав государственных корпораций и высшие государственные посты людей, которых он лично знал и в той или иной степени доверял.

Доминирующим влиянием на отбор кандидатов, приглашаемых на высшие государственные позиции, пользуются президентская администрация и спецслужбы [Heinemann-Grüder, 2009]. Главной особенностью процесса принятия решений стал абсолютно неформальный характер удовлетворения олигархических интересов посредством личных связей [Libman, Obydenkova, 2012, www]. Постепенно политический порядок начинают контролировать силовые структуры, задачей которых было построение базиса для управления государством (комбинация понятий «олигарх» и «силовик» типична для политического режима В. Путина) [Huskey, 2009].

По словам М. Зыгарь [Зыгарь, 2016], «окончательным закрепление силовых структур в виде обладателя абсолютной власти в государстве стал арест М. Ходорковского, отстаивавшего идею перехода России к парламентско-президентской форме правления с последующим снижением «права вето» со стороны главы государства. После приговора Ходорковскому влияние олигархов на ключевые политические процессы в России было значительно ослаблено».

Год 2007 стал переломным для политического режима В. Путина [Баранов, 2007]. С Мюнхенской речи В. Путина началось возрождение суверенитета России во внешней политике.

Выступая на форуме своих сторонников, В. Путин заявил: «Однополярный мир – это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решений, и этот центр находится явно не в Москве. Но Россия – такая страна, которая не может существовать без защиты своего суверенитета. Она будет либо независимой и суверенной, либо скорее всего ее вообще не будет» [Путин, 2007, www].

Давняя, устоявшаяся репутация В. Путина как человека надежного, педантично соблюдающего все неформальные договоренности и непременно выполняющего взятые на себя обязательства (благодаря которой Б. Ельцин выбрал его своим преемником) позволяла ему поручать сотрудникам своей «резидентуры» весьма сложные миссии.

Одним из примеров такой миссии стало назначение главы Федеральной налоговой службы А. Сердюкова министром обороны РФ. С 2004 года под его управлением налоговая служба активно участвовала в борьбе с различными схемами по уклонению олигархов от уплаты налогов, выступила главным кредитором по «делу ЮКОСа», предъявив налоговые претензии на 27,5 млрд долларов, что в итоге привело к распродаже активов, а затем и к банкротству финансовой империи М. Ходорковского.

Став в 2007 году министром обороны РФ, А. Сердюков для наведения порядка в сфере финансирования и расходования средств военного бюджета провел кадровые перестановки и реформы, которые генералитет воспринял как «унижение армии и человека в погонах» [Биография А. Сердюкова, 2015, www].

«Варварские» реформы А. Сердюкова создали ему множество влиятельных врагов и мощный удар по репутации. Однако поручение В. Путина было выполнено: место для прихода к руководству Вооруженными Силами нового поколения офицеров было расчищено.

Именно этот новый офицерский корпус является в настоящее время той мощной силой, на безусловной поддержке которой, по сути, базируется и власть В. Путина, и социально-политическая стабильность в стране.

«Мюнхенская речь» В. Путина означала, что президент теперь планирует править страной не как менеджер колониальной администрации, а как харизматический властитель, управляющий своими подданными с помощью проверенных временем соратников и борющийся, по мере сил, с метрополией за восстановление политического суверенитета своей страны.

Это неизбежно должно было повлечь за собой немедленный старт применения инструментария «demostasy promotion» в порядке возрастания силы воздействия: классическая дипломатия, иностранная помощь, выдвижение политических условий, экономические санкции, скрытая интервенция, полувойенная интервенция и военная интервенция [Schraeder, 2003] (то, что происходит в последние годы в Венесуэле, в Сирии, на Украине, – всего-навсего один из этапов применения этих инструментов).

Но в 2008 году второй президентский срок В. Путина подходил к концу, и реакция метрополии ограничилась потоком осуждающих публикаций типа «How Putin changed the contract with his agents and the problems it created for Medvedev» [Sharafutdinova, 2010].

Ещё один пример поручения В. Путиным сотруднику своей «резидентуры» особой миссии – передача в 2008 году президентской власти Д. Медведеву, работавшему с 2003 года руководителем администрации президента.

Публично новый президент никогда ранее не проявлял политической самостоятельности и, разумеется, не декларировал стремления к восстановлению политического суверенитета России. По словам М. McFaul [McFaul, 2018, www], «к июню 2010 года, когда Медведев прибыл

со своим первым визитом в Вашингтон, наши успехи уже превзошли самые смелые ожидания: к тому моменту мы уже подписали соглашение о сокращении наших ядерных арсеналов, вместе ввели более жесткие санкции против Ирана и договорились о маршруте снабжения военных в Афганистане, пролегающем через Россию, что позволило уменьшить нашу зависимость от Пакистана. Вскоре после этого мы помогли России с вступлением во Всемирную торговую организацию. А в 2011 году мы даже убедили Медведева воздержаться (вместо того, чтобы выступить против) на голосовании в ООН по резолюции, касавшейся Ливии. До Медведева ни один советский или российский лидер никогда не давал своего молчаливого согласия на военное вторжение Запада на территорию суверенного государства».

Благодаря такой «соглашательской» внешней политике, В. Путин смог сохранить незапятнанным свой образ харизматического вождя – несгибаемого борца за восстановление политического суверенитета своей страны. Президентство А. Медведева позволило ему дистанцироваться от многих вынужденных, но неизбежных внешнеполитических решений того периода и отсрочить на четыре года начало применения инструментария «democracy promotion», потратив это время на реформу Вооруженных сил и создание новых видов вооружения.

Политический обозреватель Bloomberg L. Bershidsky [Bershidsky, 2018, www] дал этому политическому маневру восхищенную оценку: «Им [администрации президента США] нужен был ручной Медведев, который со всем безропотно соглашался, а не пытающийся быть самостоятельным (хотя бы в некоторых сферах) Путин. Но они не рассчитали, что Россия поведет себя не так, как писал Макфол в своих книгах по цветным революциям, и вместо переговоров с оппозицией и прихода «нейтрального кандидата» даст решительный отпор. После которого начнется новая страница мировой истории».

Вот какие события нашли свое отражение в научном выводе В.Э. Абелинскайте [Абелинскайте, 2016, 17] о том, что «основным механизмом трансформации политического режима России стала неформальная институционализация. Этот процесс подразумевает, что властные институты, внешне продолжая существовать в рамках законодательно определенных ролей, начинают действовать в соответствии с новыми функциями, сводящимися к консолидации властных ресурсов внутри ограниченного круга представителей политической элиты».

Когда судьба Б. Ельцина была уже решена, все колебания остались позади. Тогда в Пекине в декабре 1999 года как своеобразное «напутствие преемнику» прозвучало: «много о себе возомнил» (по поводу политики Б. Клинтона); «как мы с Цзян Цзэмином решим, так и будет» [Ельцин, 2008].

Чтобы воплотить эти «мечты» в политическую реальность, В. Путину понадобилось почти двадцать лет: в начале августа 2018 года глава Стратегического командования Вооруженных сил США генерал Дж. Хайтен публично объявил о возвращении к конкуренции великих держав; заместитель главы Пентагона по политическим вопросам Дж. Руд заявил, что Россия и Китай оспаривают систему международной безопасности, созданную США, и работают над созданием нового международного порядка [Никитин, 2018].

«Постимперский синдром, охвативший россиян в 2014 году после присоединения Крыма, направленный на объединение "русского мира" в противовес Западу, стал консолидирующим фактором между обществом и властью» [Зубаревич, 2016, www]. Именно тогда В. Путин в глазах большинства россиян окончательно стал харизматическим лидером – Вождём.

Критика политического режима В. Путина в концептах демократического транзита

Практически с первых дней правления В. Путина политический режим «резидентуры во враждебном окружении» стал объектом критики политологов и социологов за разнообразные отклонения от «светлого пути» демократического транзита. После 2007 года поток различных концептов многократно усилился, их разработка продолжается до настоящего времени.

Среди номинаций, используемых для обозначения политического режима, – электоральная демократия; элитарная демократия; управляемая демократия; конкурентный авторитарный режим; электоральный авторитарный режим; «мягкий» авторитарный режим; переходный режим (от авторитаризма к демократии); гибридный режим (смесь демократии и авторитаризма) [Дыханов, 2017, www]. Этот перечень «уточняющих» определений политического режима, разумеется, далеко не исчерпывающий: российские правозащитники [Основные тенденции политического развития России..., 2014] и вслед за ними А. Дыханов [там же] обсуждают итоги «авторитарной консолидации» политического режима; U. Becker, A. Vasileva [Becker, Vasileva, 2017] исследуют «a changing hybrid of liberalism and patrimonialism» и т.д.

Мы попытались сгруппировать их по нескольким ключевым направлениям.

1. Критика «бюрократического неопатримониализма».

Не желая видеть принципиальных отличий от режима Б. Ельцина, А.Н. Ганжа [Ганжа, 2018] утверждает, что «правление Путина характеризуется смещением центра влияния в сторону бюрократии, формируя бюрократический неопатримониализм. Современный политический режим России можно назвать неопатримониальной стабилизацией, которую можно обозначить как гибридную форму неопатримониализма, в которой главную роль играют силовые структуры и олигархи в условиях жесткого доминирования первых над вторыми и категорическим запретом для бизнеса вмешиваться в политические процессы государства. В России наблюдается устойчивая тенденция к концентрации власти в руках нескольких бюрократических и олигархических групп. Политические институты имеют демократический фасад, за которым скрывается автократическое правление, осуществляющее стабилизацию политического режима на условиях частного блага. Силовые структуры и ключевые политические институты государства активно работают на воспроизводство и стабилизацию власти бюрократических групп».

2. Критика «бюрократического авторитаризма» и коррупции.

Подъем бюрократов к власти в сочетании с подавлением демократии породил «бюрократический авторитаризм», за которым стоит представление о монополии коррумпированной бюрократии на власть как основе российского авторитарного режима. По мнению В.В. Иноземцева [Иноземцев, 2015], вместо государственной политики в стране сложился «лишь персональный бизнес высшей бюрократии, интересам которого подчинены экономические, политические и идеологические шаги нашей власти».

«В период полномочий Государственной Думы РФ 3-го созыва (с 1999 года) бюрократия пошла в наступление на общество, начав (под предлогом необходимости укрепления разрушенной в предшествующее десятилетие государственности) восстановление административной системы управления страной путем внесения в политические законы и законопроекты, а также в практику государственного управления различных ограничительных и запретительных норм, а также норм, направленных на блокирование в стране реального политического процесса в пользу его администрирования» [Лепехин, 2018, www]. Власть в

России перешла в руки бюрократии, заинтересованной в первую очередь в удовлетворении своих финансовых интересов [Kryschtanowskaja, 2005].

Бюрократизация лежит в основе системы, созданной В.В. Путиным и консолидирующей общество. С другой стороны, задача повышения управляемости страной давно достигнута и дальнейшее ее расширение приводит к засилью чиновников и препятствует эффективному развитию общества. Везде, где это возможно, минимизируются выборные процессы: в университетах, в органах местного управления. Созданная вертикаль власти оказалась наиболее удобной властной конфигурацией для распространения коррупции [Баранов, 2017]. Сдерживание коррупции придало бы режиму большую легитимность и повысило бы управляемость. Но проблема заключается в том, что российская коррупция столь вездесуща и всеобъемлюща, что индивидуальные меры в отношении этой эпидемии бесполезны [Siegert, 2009]. В функциональной модели нынешнего режима коррупция играет важнейшую роль, причем как на входе, так и на выходе. Коррупционное поведение верхнего эшелона выступает образцом для всего общества [Nußberger, 2010].

3. Критика неэффективности гибридного сочетания олигархических и авторитарных компонентов «управляемой» демократии.

Термины «электоральная демократия», «электоральный авторитарный режим» и «конкурентный авторитарный режим» были позаимствованы из классификации политических режимов, предложенной американским политологом L. Diamond [Diamond, 2003], который, как и S. Levitsky и L. Way [Levitsky, Way, 2010], считал российский политический режим «гибридным» – «конкурентным авторитарным».

Зарубежные авторы много писали о «гибридной» природе российского политического режима [Wigell, 2008; Levitsky, Way, 2010]. Такие авторы, как M. Mommsen, предпочитали концепты «симулятивная», «имитационная» «управляемая» демократия [Mommsen, 2007]. Некоторые политологи преобразовали номинацию российской демократии из «управляемой» в «сверхуправляемую» [Lipman, Hale, Petrov, 2010]. По мнению M. Mommsen, A. Nußberger [Mommsen, Nußberger, 2007], в этих формулировках запечатлено ужесточение контроля над обществом через манипуляции с выборами, а также создание виртуальных партий и всевозможных институциональных суррогатов; политический режим России представляет гибридное сочетание олигархических и авторитарных компонентов [Соловьев, 2015; Тянь, 2016].

По словам В. Дыханова, «единственный институт демократии – выборы перестал функционировать как институт, обеспечивающий демократическую смену политической власти, начиная с президентских выборов 2004 года. Демократические альтернативные выборы превратились в авторитарные аффирмативные выборы, направленные не на реальный выбор из ограниченного числа политических конкурентов, а определение рейтинга доверия бессменной политической власти» [Дыханов, 2017].

Как утверждает А.С. Елифанов [Елифанов, 2015, www], «принятие закона о выборах и избирательная кампания 2003 года четко продемонстрировали, что пропрезидентская фракция «Единая Россия» получила фактический контроль над всем парламентом, окончательно объединив под своим руководством элиты центра и периферии. Впервые в современной российской политической истории лидер государства получил контроль над всем парламентом, что позволяло ему осуществить жесткую концентрацию политических ресурсов. Доминирующая партия стала главным проводником интересов правящих групп, формально выступая институтом агрегации и артикуляции интересов».

«Единая Россия» является всего лишь инструментом верхушечных манипуляций, призванных обеспечить поддержку политическому руководству. Эта партия лишь внешне напоминает демократические организации [Попова, 2011]. Ее называют правящей партией, однако она почти не участвует в отправлении политической власти; она даже не влияет на назначение министров [Sejnis, 2003]. Подобно КПСС, она выступает стартовой площадкой для наиболее амбициозных партийцев. Но, в отличие от КПСС, она не обладает никакой реальной властью и не имеет специфической идеологии [Stykwow, 2006].

По нашему мнению, упрекать в «концентрации власти», «автократическом правлении», «патронажном президентстве», «дефиците стабильности» и т.п. исполнительного директора колониальной администрации, назначенного метрополией преемником (и антагонистом) патримониального властителя можно только «закрыв глаза» на суть происходящих в государстве процессов – усмирения сформировавшейся при Б. Ельцине катастрофически нестабильной олигархической и региональной «вольницы» свободной конкуренции патронажно-клиентарной сетей различных кланов, которую отечественные и зарубежные критики политического режима В. Путина почему-то отождествляют с демократией, забывая при этом, что в экономически развитых странах до недавнего времени демократия выражалась, прежде всего, в педантичном следовании правилам и процедурам, установленным местными законодателями и бюрократами (в настоящее время соблюдение этих правил и процедур разными субъектами оценивается по-разному, господствуют «двойные стандарты» сословного общества).

Заключение

Многие отечественные и зарубежные авторы пытались исследовать трансформации политического режима в России, оставаясь в рамках парадигмы демократического транзита, но все эти попытки выглядели малоубедительными и немедленно вызвали обоснованную критику. У исследователей нет единства даже в вопросах методологии анализа, не говоря уже о формировании устойчивых и общепринятых концепций.

В 2010 году М. Моммзен фактически признала невозможность научного осмысления и анализа политического режима В. Путина, отметив, что «даже беглый обзор воззрений на российскую политику, а также применяемых к ее анализу определений и типологий приводит в недоумение ... можно предположить, что мы имеем дело с системой, которая одновременно является олигархической, плутократической, авторитарной, плебисцитарной, традиционной, бюрократической, псевдодемократической и патримониальной» [Моммзен, 2010, www].

По мнению целого ряда современных российских авторов, «ценности демократии в России фактически дискредитированы» [Ганжа, 2018]; «признаки, атрибуты демократии у нас есть: парламент, партии, процедуры выборов, а самой демократии – не было и не будет» [Коровин, 2018]; «слово «демократия» не применимо к российскому государству, а если и применимо, то со значительными, существенными оговорками» [Соловьев, 2016].

Как показывают социологические исследования, в политических ориентациях россиян активно прослеживается запрос на «сильное государство» и «твердую руку в управлении» [Салин, 2016, 27]; наибольшее доверие в 2017 году россияне выражали в отношении «державной триады»: президента России (72%), российской армии (67%) и православной церкви (51%) [Горшков, 2017, 67].

В этих условиях справедливо будет предположить следующее. Трансформация политического режима России является не однонаправленным (поступательным, от

«авторитаризма» к «демократии»), а циклическим (возвратно-поступательным) процессом возрастания и спада политической субъектности в динамике наложения во времени «больших» и «малых» циклов. Уровень/степень политической субъектности любого государства, в том числе и России, зависит в первую очередь от распространенности/укорененности в национальной культуре политического мифа и идеологии национальной исключительности, «высшего предназначения», «особой миссии» нации.

Отсюда следует, что трансформацию политического режима России следует рассматривать в парадигме суверенного (а не демократического) транзита: в отличие от западного демократического общества, «сакральной ценностью» для народов, проживающих на территории России, на протяжении столетий и по сей день является национальный суверенитет, т.е. власть вождя-суверена, защищающего свою общину от любых угроз извне.

Наивысший уровень политической субъектности / могущества / суверенитета достигался в те периоды российской истории, когда основанием легитимности власти было, по классификации М. Вебера, харизматическое господство.

Субъектом трансформации политического режима России до недавнего времени являлась финансово-политическая элита США, для которой и представители позднесоветской элиты, и «новые» политики, чиновники, олигархи – все являлись и являются всего лишь объектами отбора и селекции.

На протяжении двух десятилетий президент постепенно разламывал свою «клетку» из «красных линий» и трансформировался из объекта управления, кризисного менеджера «корпорации Россия» / исполнительного директора колониальной администрации в самостоятельный субъект, харизматического лидера / вождя нации.

Наиболее точный термин для обозначения сути политического режима В. Путина – «резидентура разведки во враждебном окружении».

Борьба президента за наполнение бюджета, когда-то начавшаяся с «дела ЮКОСа» и банкротства финансовой империи М. Ходорковского, в последнее время обострилась и перешла из экономической плоскости в политическую.

Обострение это вызвано не только тем, что в последние годы политический режим России стал объектом применения инструментария «democracy promotion» США. Дело в том, что В. Путин своей внешней политикой создал для части российской финансово-политической элиты такие сложности, от которых они теряют не только свои капиталы, но и деловую репутацию, авторитет, доверие акционеров. Государство потихоньку скупает подешевевшие в результате «санкций» акции, чтобы вытеснить олигархов из тех крупных компаний, которые нужны государству, – по сути, в России идет скрытая национализация.

Однако «скрытые акционеры» из числа представителей высшей государственной бюрократии пока еще столь влиятельны, что майские (2012 год) указы президента о создании до 2020 года 25 млн высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих мест в результате саботажа «экономического блока» правительства были провалены; на встречу с помощником президента для обсуждения вопроса изъятия в бюджет 500 млрд рублей сверхприбылей корпораций 12 из 16 приглашенных вообще не соизволили явиться – эта «схватка» окончилась поражением администрации президента.

Борьба президента с финансово-политической элитой, пользующейся поддержкой США, была бы совершенно бесперспективной, если бы не одно весьма существенное обстоятельство. За годы правления В. Путина сила и влияние в значительной степени уже ушли из рук «старой» финансово-политической элиты, многие ее представители пытаются спастись бегством: по итогам

I квартала 2018 года в офшоры из России «утекло» 17,2 млрд долларов – в 6,3 раза больше, чем за предыдущие три месяца. Как следует из отчета Центробанка РФ, в пересчете на рубли выведенная сумма – 980,4 млрд рублей эквивалента 4,3% российского ВВП за I квартал, половине нефтегазовых доходов бюджета (1,85 трлн рублей), в 1,4 раза превышает расходы казны на пенсии (690 млрд рублей).

На смену уже пришло новое, качественно иное поколение элит. Как отметила в своем недавнем интервью «Bloomberg Opinion» О. Крыштановская, «в настоящее время Россией правят кланы, лидерами которых являются глава "Роснефти" И. Сечин, гендиректор "Ростеха" С. Чемезов, экс-министр обороны С. Иванов и бывший директор ФСБ Н. Патрушев. Никакого официального института, который позволял бы им собираться и голосовать, не существует, однако под эгидой В. Путина они взаимодействуют друг с другом, а тот уже принимает окончательные решения, учитывая интересы всех кланов. Когда В. Путин пришел к власти, большая часть представителей его команды были людьми из 50-х годов. Теперь там в основном те, кто родился в 1960-х» (цит. по [Whitehouse, 2018, www]).

Стремительно обновляется состав региональных лидеров. За В. Путиным стоит мощная сила и источник управленческих кадров – обновленный офицерский корпус и множество проверенных в боевых условиях «вежливых людей», готовых без раздумий выполнить любой приказ своего Вождя. Причем для них жизненно необходим государственный суверенитет, в то время как демократические / либеральные ценности – не просто «пустой звук», а символ унижений, кошмарные воспоминания о разваленной деморализованной армии.

Режим «резидентуры во враждебном окружении» постепенно уходит в небытие, – таковы реалии трансформации политического режима России.

Библиография

1. Абелинская В.Э. Влияние политической элиты на трансформации государственных институтов современной России: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2016. 227 с.
2. Баранов Н.А. Политический режим современной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. № 35. С. 54-62.
3. Баранов Н.А. Внешние факторы влияния на трансформацию политической системы современной России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2017. URL: <http://www.ukros.ru/wp-content/uploads/2017/01/baranov1.doc>
4. Биография А. Сердюкова // ИП Zampolit. 2015. URL: <http://zampolit.com/dossier/serdyukov-anatoliy-eduardovich/>
5. Биография А. Чубайса // Новостной пульс, 2015. URL: <http://sta-sta.ru/?p=10232>
6. Биография Президента России Б. Ельцина // Ельцин-центр. 2015. URL: <https://yeltsin.ru/news/biografiya-boris-nikolaevich-elcin-prezident-rossii-19911999>
7. Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. 2012. № 2. С. 12-20.
8. Ганжа А.Н. Неопатримониализм в России: политико-режимная динамика и факторы консолидации // SPACE. 2018. № 8. С. 15-20.
9. Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта / ред. И.О. Тюрина. М.: Весь Мир, 2017. 104 с.
10. Делягин М. Бурный век: для России настало время подумать о своих интересах // Завтра. 2018. URL: http://zavtra.ru/blogs/burnij_vek
11. Дыханов В. К вопросу об «авторитарной консолидации» российского политического режима // Zeszyty naukowe wyzszej szkoly informatyki, zarzadzania i administracji w Warszawie. 2017. Том 15. № 2 (39). С. 184-204.
12. Ельцин Б.Н. Президентский марафон: размышления, воспоминания, впечатления. М.: РОССПЭН, 2008. 383 с.
13. Епифанов А.С. Партийная система современной России как инструмент воспроизводства основных компонентов политического режима // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 2(6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/partiynaya-sistema-sovremennoy-rossii-kak-instrument-vosproizvodstva-osnovnyh-komponentov-politicheskogo-rezhima>

14. Зубаревич Н. Четыре России и новая политическая реальность // Полит.ру. 2016. URL: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians
15. Зыгарь М. Вся кремлевская рать. М.: Интеллектуальная литература, 2016. 672 с.
16. Иноземцев В. В России нет экономической политики // Мир перемен. Специальный выпуск. 2015. 128 с.
17. Интервью А.В. Рущкого «Детали августовского путча – 1991» // Московский комсомолец. 2018. URL: <https://www.mk.ru/amp/social/2018/08/19/elcin-pytalsya-sbezhat-ruckoy-raskryl-neozhidannye-detali-avgustovskogo-putcha1991.html>
18. Интервью В.П. Полеванова // Арабская редакция «Russia Today». 2018. URL: <http://rusnext.ru/news/1534701162>
19. Катасонов В. Путина из-за пенсионной реформы могут отстранить с поста президента // Политэксперт. 2018. URL: <https://zen.yandex.ru/media/politexpert/valentin-katasonov-putina-izza-pensionnoi-reformy-mogut-otstranit-s-posta-prezidenta-5b90a69b23420100aaa08c11>
20. Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 40 с.
21. Клямкин И., Шевцова Л. Внесистемный режим Бориса II: некоторые особенности политического развития постсоветской России. М.: Московский центр Карнеги, 1999. 63 с.
22. Копаева Е.В. Эволюция политических режимов в субъектах Российской Федерации: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2013. 234 с.
23. Коровин В. Smart олигархия: есть ли у российского «большого бизнеса» социальная ответственность? // Завтра. 2018. URL: http://zavtra.ru/blogs/smart_oligarhiya
24. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65.
25. Лепехин В.А. Запрос российской элиты на консерватизм блокировал развитие страны // ИП Института ЕАЭС. 2018. URL: <http://i-eeu.ru/category/news/zapros-rossijskix-elit-na-konservativizm-blokiroval-razvitie-strany/>
26. Моммзен М. Российский политический режим: неосоветский авторитаризм и патронажное президентство // Журнальный клуб «Интелрос». 2010. № 6. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-74-6-2010/8293-rossijskij-politicheskij-rezhim-neosovetskij-avtoritarizm-i-patronazhnoe-prezidentstvo.html>
27. Никитин А. Пентагон объявил о попытках России и Китая создать новый миропорядок // ИА Взгляд. 2018. URL: <https://vz.ru/news/2018/9/5/940423.html>
28. Никитина О. Хасбулатов подтвердил попытку Ельцина сбежать в посольство США // ИА Взгляд. 2018. URL: <https://vz.ru/news/2018/8/20/937893.html>
29. Рогов К. (ред.) Основные тенденции политического развития России в 2011-2013 гг. Кризис и трансформация российского авторитаризма // Фонд «Либеральная миссия». URL: <http://www.liberal.ru/articles/6537>
30. Попова О.В. Политическая конкуренция в контексте трансформации политического режима в России // Международная научная конференция «Российская политика в условиях избирательного цикла 2011-2012 гг.». М.: Российская ассоциация политической науки, 2011. С. 158-159.
31. Потапов Д.В. Технологии трансформации политических режимов: перспективы противодействия в государствах незападного типа // Вопросы политологии. 2018. Том 8. № 8 (36).
32. Путин В. Выступление на форуме сторонников Президента России // ИП Kremlin.ru. 2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/by-date/21.11.2007>
33. Розов Н.С. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 157-172.
34. Салин П.Б. Трансформация политических предпочтений россиян: социально-политический анализ // Вестник Финансового университета. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 3 (23). С. 27.
35. Соловьев А.И. Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 90-108.
36. Соловьев А.И. Правящая элита России: к вопросу о механизмах и технологиях политического господства // Дука А.В. (ред.) Власть и элиты. СПб.: Интерсоцис. 2015. С. 152-171.
37. Тризман Д. История России. От Горбачева до Путина и Медведева. Москва: Эксмо, 2012. 514 с.
38. Тян В.В. Особенности эволюции политического режима в парадигме системного кризиса и страновой идентификации (концептивно-парадигмальный подход) // Власть. 2016. № 2. С. 57-63.
39. Хазин М.Л. О принципах и последствиях взаимоотношений внутри вертикали власти // Хазин.ру. 2018. URL: <https://khazin.ru/articles/155-otstavki-i-naznachenija/58785-o-printsipakh-i-posledstvijakh-vzaimootnosheniy-vnutri-vertikali-vlasti>
40. Bach D. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings // Commonwealth & Comparative Politics. 2011. Vol. 49. No. 3. P. 275-294.
41. Baranov P.P., Mamychev A.Y., Ovchinnikov A.I. The Legitimacy of Power and Power relations as a Multi-level Political and Legal Phenomenon: Approaches, Interpretation and Conceptualization // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No 5. P. 209-216. URL: <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/7765/7439>

42. Becker U., Vasileva A. Russia's political economy re-conceptualized: A changing hybrid of liberalism, etatism and patrimonialism // *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8. Issue 1. P. 83-96.
43. Beetham D. *The Legitimation of Power*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2013. 312 p.
44. Bershidsky L. Who Lost Russia? Isn't Just an Academic Debate // *Bloomberg*. 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-05-15/-who-lost-russia-is-more-than-just-an-academic-question>
45. Bos E., Mommsen M., Steinsdorff S. Wo fängt Demokratie an und wo hört Demokratie auf? *Demokratiethoretische Überlegungen zum politischen Regime Russlands // Das russische Parlament. Schule der Demokratie?* Opladen: Leske Verlag, 2003. P. 271-292.
46. Burnell P. From Evaluating Democracy Assistance to Appraising Democracy Promotion // *Political Studies*. 2008. No. 56. P. 414-434.
47. Charrad M.M., Adams J. Introduction: Patrimonialism, past and present // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 636. No. 1. P. 6-15.
48. Dahl R. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press, 1971. 245 p.
49. Diamond L. *Can the Whole World Become Democratic? Democracy, Development and International Policies*, University of California, Los Angeles, 2003. 86 p.
50. Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley & Sons, 1965. 507 p.
51. Elkink J.A. The International Diffusion of Democracy // *Comparative Political Studies*. 2011. No. 44 (12). P. 1651-1674.
52. Finkel S.E., Perez-Linan A., Seligson M.A. The Effects of US Foreign Assistance on Democracy Building // *World Politics*. 2007. No. 59 (3). P. 404-439.
53. Goldgeier J.M. Bill and Boris: A Window Into a Most Important Post-Cold War Relationship // *The Texas National Security Review*. 2018. URL: <https://tnsr.org/2018/08/bill-and-boris-a-window-into-a-most-important-post-cold-war-relationship/>
54. Goldgeier J.M., McFaul M. *Power and Purpose: U.S. Policy Toward Russia After the Cold War*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2003. 240 p.
55. Heinemann-Grüder A. Kontrollregime. Russland unter Putin & Medvedev // *Osteuropa*. 2009. Bd. 9. No. 59. P. 27-48.
56. Hensell S. *Die Willkür des Staates. Herrschaft und Verwaltung in Osteuropa*. Wiesbaden: VS Verlag, 2009.
57. Huskey E. The Politics-Administration Nexus in Post-Communist Russia // Rowney D., Huskey E. (eds.). *Russian Bureaucracy and the State: Officialdom from Alexander III to Vladimir Putin*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 253 p.
58. Inozemtsev V. The Nature and Prospects of the Putin Regime // *Russian Social Science Review*. 2009. Vol. 50. No. 1. P. 43.
59. Kryschtanowskaja O. Anatomie der russischen Elite. Die Militarisierung Russlands unter Putin. Köln: Kiepenheuer und Witsch Verlag, 2005. 245 p.
60. Kryshstanovskaya O., White S. The rise of the Russian business elite // *Communist and Post-communist Studies*. 2005. No. 38 (3). P. 293-307.
61. Levitsky S., Way L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*, Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 140 p.
62. Libman A., Obydenkova A. The Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons from the Russian Regions // *Post-Soviet Affairs*. 2012. Vol. 28. Issue 3. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.2747/1060-586X.28.3.346>
63. Lipman M., Hale H.E., Petrov N. Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes // *Carnegie Endowment for International Peace*. 2010. No. 106.
64. Magen A., Risse T., McFaul M. Introduction: American and European Strategies to Promote Democracy – Shared Values, Common Challenges, Divergent Tools? // *Promoting Democracy and the Rule of Law. American and European Strategies*. Basingstoke: Palgrave Mcmillan, 2009. P. 1-33.
65. McFaul M. The smear that killed the "reset" // *The Washington Post*. 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/news/posteverything/wp/2018/05/11/feature/putin-needed-an-american-enemy-he-picked-me/?amp;noredirect=on&no_redirect=on&utm_term=.be176366310a
66. Mommsen M. Das politische System Rußlands // Ismayr W. (Hrsg.). *Die politischen Systeme Osteuropas*. Wiesbaden: VS Verlag, 2009. P. 420.
67. Mommsen M. Putins "gelenkte Demokratie": "Vertikale der Macht" statt Gewaltenteilung // Buhbe M., Gorzka G. (Hrsg.) *Russland heute. Rezentralisierung des Staates unter Putin*. Wiesbaden: VS Verlag, 2007. P. 235.
68. Mommsen M. Wer wird Russland regieren? Die Kreml-AG // Schreiber N. (Hrsg.). *Russland. Der Kaukasische Teufelskreis oder Die lupenreine Demokratie*. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2008. P. 26-49.
69. Mommsen M., Nußberger A. *Das System Putin. Gelenkte Demokratie und politische Justiz in Russland*. München: Verlag C.H. Beck, 2007. P. 26.
70. Nußberger A. Perestroika die Zweite? // *Russland-Analysen*. 2010. No. 198. P. 9.
71. Perkins J. *Confessions of an Economic Hit Man*. Plume, 2005. 280 p.
72. Perkins J. *The Secret History of the American Empire: Economic Hit Men, Jackals, and the Truth About Global Corruption*. Plume, 2008. 384 p.

73. Robinson N. Russian patrimonial capitalism and the international financial crisis //Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2011. No. 27. P. 434-455.
74. Schraeder P.J. The State of the Art in International Democracy Promotion: Results of a Joint European-North American Research Network // Democratization. 2003. No. 10 (2). P. 21-44.
75. Sejnīs V. Zehn Jahre parlamentarische Erfahrung im postsowjetischen Russland – eine (persönliche) Zwischenbilanz // Bos E., Mommsen M., Steinsdorff S. von (Hrsg.). Das russische Parlament. Schule der Demokratie, 2003. P. 87-108.
76. Sharafutdinova G. Subnational Governance in Russia: How Putin Changed the Contract with His Agents and the Problems It Created for Medvedev // The Journal of Federalism. 2010. No. 40 (4). P. 672-696.
77. Siegert J. Von Fehlern im System und Systemfehlern. Eine Polemik // Russland-Analysen. 2009. No. 194. P. 34.
78. Sombart W. Economic Life in the Modern Age. Routledge, 2018. 390 p.
79. Stykow P. "Einiges Russland": Die "Partei der Macht" als Staatspartei? // Russland-Analysen. 2006. No. 115. P. 2-5.
80. Weber M The Theory of Social and Economic Organization. Martino Fine Books, 2012. 450 p.
81. Wigell M. Mapping "Hybrid Regimes": Regime Types and Concepts in Comparative Politics // Democratization. 2008. Vol. 15. No. 2. P. 230-250.
82. Whitehouse M. What Comes After Putin Could Be Trouble. Interview with O. Kryshtanovskaya // Bloomberg Opinion. 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-08-25/putin-s-succession-plan-could-be-trouble-for-russia>

Transformation of the political regime in Russia in the concepts of democratic transition and in political reality

Denis V. Potapov

Postgraduate,
Department of world politics and international relations,
Voronezh State University,
394018, 1 Universitetskaya sq., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: dvpw@yandex.ru

Abstract

The article compares the stages of transformation of the political regime in Russia with the concepts of democratic transition. The author considers features of "non-systemic" mode of the early 90-ies, "adversarial oligarchy" and "patronage presidency" of B. Yeltsin, the initial conditions and the initial stage of the formation of Putin's political regime and its critique in the concepts of democratic transition. It is shown that the subject of transformation of the political regime of Russia until recently was the financial and political elite of the United States, for which representatives of the late Soviet elite, and "new" politicians, officials, oligarchs – all of them were only objects of selection. It is proved that the most accurate term to denote the essence of the political regime V. Putin, who for two decades gradually transformed from the object of management, crisis manager of the Corporation "Russia" / executive director of the colonial administration into an independent entity, a charismatic leader / leader of the nation. The author concludes that the transformation of the political regime in Russia is not a unidirectional, but a cyclic process of growth and decline of political subjectivity. The transformation of the political regime of Russia should be considered in the paradigm of sovereign (not democratic) transit: unlike the Western democratic society, the "sacred value" for the peoples living on the territory of Russia, for centuries and to this day is the national sovereignty, i.e. the power of the leader-sovereign, who protects his community from any external threats. The author considers how the activation of the political space of the new elite, for

which state sovereignty is vital, takes place. The preparation of the political regime of "residency in a hostile environment" to significant changes is expected in the short term.

For citation

Potapov D.V. (2018) Transformatsiya politicheskogo rezhima Rossii v kontseptakh demokraticeskogo tranzita i v politicheskoi real'nosti [Transformation of the political regime in Russia in the concepts of democratic transition and in political reality]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (4A), pp. 27-49.

Keywords

Political regime, transformation, democratic transition, financial and political elite, president, dominance, legitimacy.

References

1. Abelinskaite V.E. (2016) *Vliyanie politicheskoi elity na transformatsii gos-udarstvennykh institutov sovremennoi Rossii. Dokt. Diss.* [The influence of the political elite on the transformation of the state institutions in modern Russia. Doct. Diss.]. Moscow.
2. Bach D. (2011) Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. *Commonwealth & Comparative Politics*, 49 (3), pp. 275-294.
3. Baranov N.A. (2007) Politicheskii rezhim sovremennoi Rossii [Political regime in modern Russia]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of Herzen Russian State Pedagogical University], 8 (35), pp. 54-62.
4. Baranov N.A. (2017) Vneshnie faktory vliyaniya na transformatsiyu politicheskoi sistemy sovremennoi Rossii [External factors of influence on the transformation of the political system in modern Russia]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Great Eurasia: development, security, cooperation]. Available at: <http://www.ukros.ru/wp-content/uploads/2017/01/baranov1.doc> [Accessed 11/06/18].
5. Baranov P.P., Mamychyev A.Y., Ovchinnikov A.I. (2015) The Legitimacy of Power and Power relations as a Multi-level Political and Legal Phenomenon: Ap-proaches, Interpretation and Conceptualization. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6 (5), pp. 209-216. Available at: <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/viewFile/7765/7439> [Accessed 11/06/18].
6. Becker U., Vasileva A. (2017) Russia's political economy re-conceptualized: A changing hybrid of liberalism, etatism and patrimonialism. *Journal of Eurasian Studies*, 8 (1), pp. 83-96.
7. Beetham D. (2013) *The Legitimation of Power*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
8. Bershidsky L. (2018) *Who Lost Russia? Isn't Just an Academic Debate*. Bloom-berg. Available at: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-05-15/-who-lost-russia-is-more-than-just-an-academic-question> [Accessed 11/06/18].
9. *Biografiya A. Serdyukova* [Biography of Anatoly Serdyukov] (2015). IP Zampolit. Available at: <http://zampolit.com/dossier/serdyukov-anatoliy-eduardovich/> [Accessed 11/06/18].
10. *Biografiya A. Chubaisa* [Biography of Anatoly Chubais] (2015). *Novostnoi pul's* [News pulse]. Available at: <http://sta-sta.ru/?p=10232> [Accessed 11/06/18].
11. *Biografiya Prezidenta Rossii B. El'tsina* [Biography of the President of Russia Boris Yeltsin] (2015). El'tsin-tsentr. Available at: <https://yeltsin.ru/news/biografiya-boris-nikolaevich-elcin-prezident-rossii-19911999> [Accessed 11/06/18].
12. Bobkov V.N. (2012) 20 let kapitalisticheskikh transformatsii v Rossii: vliyanie na uroven' i kachestvo zhizni [20 years of capitalist transformations in Russia: the impact on the level and quality of life]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2, pp. 12-20.
13. Bos E., Mommsen M., Steinsdorff S. (2003) Wo fängt Demokratie an und wo hört Demokratie auf? Demokratietheoretische Überlegungen zum politischen Re-gime Russlands. *Das russische Parlament. Schule der Demokratie?* Opladen: Leske Verlag, pp. 271-292.
14. Burnell P. (2008) From Evaluating Democracy Assistance to Appraising Democracy Promotion. *Political Studies*, 56, pp. 414-434.
15. Charrad M.M., Adams J. (2011) Introduction: Patrimonialism, past and present. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 636 (1), pp. 6-15.
16. Dahl R. (1971) *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press.

17. Delyagin M. (2018) Burnyi vek: dlya Rossii nastalo vremya podumat' o svoikh interesakh [Turbulent century: it is time for Russia to think about its interest]. *Zavtra* [Tomorrow]. Available at: http://zavtra.ru/blogs/burnij_vek [Accessed 11/06/18].
18. Diamond L. (2003) *Can the Whole World Become Democratic? Democracy, Development and International Policies*. University of California, Los Angeles.
19. Dykhanov V. (2017) K voprosu ob "avtoritarnoi konsolidatsii" rossiiskogo politicheskogo rezhima [To the question about "authoritary consolidation" of Russian political regime]. *Zeszyty naukowe wyzszej szkoly informatyki, zarzadzania i administracji w Warszawie*, 15-2 (39), pp. 184-204.
20. Easton D. (1965) *A Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley & Sons.
21. Elkins J.A. (2011) The International Diffusion of Democracy. *Comparative Political Studies*, 44 (12), pp. 1651-1674.
22. El'tsin B.N. (2008) *Prezidentskii marafon: razmyshleniya, vospominaniya, vpechatleniya* [Presidential marathon: thoughts, memories, impressions]. Moscow: ROSSPEN Publ.
23. Epifanov A.S. (2015) Partiynaya sistema sovremennoi Rossii kak instrument vosproizvodstva osnovnykh komponentov politicheskogo rezhima [Party system in modern Russia as a tool of reproduction of the main components of the political regime]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and social-humanitarian research], 2 (6). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/partiynaya-sistema-sovremennoy-rossii-kak-instrument-vosproizvodstva-osnovnykh-komponentov-politicheskogo-rezhima> [Accessed 19/07/18].
24. Finkel S.E., Perez-Linan A., Seligson M.A. (2007) The Effects of US Foreign Assistance on Democracy Building. *World Politics*, 59 (3), pp. 404-439.
25. Ganzha A.N. (2018) Neopatrimonializm v Rossii: politiko-rezhimnaya dinamika i faktory konsolidatsii [Neopatrimonialism in Russia: political regime dynamics and consolidation factors]. *SPACE*, 8, pp. 15-20.
26. Goldgeier J.M. (2018) Bill and Boris: A Window Into a Most Important Post-Cold War Relationship. *The Texas National Security Review*. Available at: <https://tnsr.org/2018/08/bill-and-boris-a-window-into-a-most-important-post-cold-war-relationship/> [Accessed 10/08/18].
27. Goldgeier J.M., McFaul M. (2003) *Power and Purpose: U.S. Policy Toward Russia After the Cold War*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
28. Gorshkov M.K. (2017) *Rossiiskoe obshchestvo v kontekste novej real'nosti. K itogam i prodolzheniyu sotsiologicheskogo megaproekta* [Russian society in the context of the new reality. To results and continuation of the sociological megaproject]. Moscow: Ves' Mir Publ.
29. Heinemann-Grüder A. (2009) Kontrollregime. Russland unter Putin & Medvedev. *Osteuropa*, 9 (59), pp. 27-48.
30. Hensell S. (2009) *Die Willkür des Staates. Herrschaft und Verwaltung in Osteuropa*. Wiesbaden: VS Verlag.
31. Huskey E. (2009) The Politics-Administration Nexus in Post-Communist Russia. In: Rowney D., Huskey E. (eds.). *Russian Bureaucracy and the State: Officialdom from Alexander III to Vladimir Putin*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
32. Inozemtsev V. (2009) The Nature and Prospects of the Putin Regime. *Russian Social Science Review*, 50 (1), p. 43.
33. Inozemtsev V. (2015) V Rossii net ekonomicheskoi politiki [Russia does not have economic policy]. *Mir peremen. Spetsial'nyi vypusk* [World of changes. A special issue].
34. Interv'yū A.V. (2018) Rutsckogo "Detali avgustovskogo putcha – 1991" [Interview with Alexander V. Rutsckoi "Details of the August coup in 1991"]. *Moskovskii komsomolets*. Available at: <https://www.mk.ru/amp/social/2018/08/19/elcincpytalsya-sbezhat-ruckoy-raskryl-neozhidannye-detali-avgustovskogo-putcha1991.html> [Accessed 19/08/18].
35. Interv'yū V.P. Polevanova [Interview with VP Polevanov] (2018). *Arabskaya redaktsiya "Russia Today"*. Available at: <http://rusnext.ru/news/1534701162> [Accessed 17/06/18].
36. Katasonov V. (2018) Putina iz-za pensionnoi reformy mogut otstranit' s posta prezidenta [Putin may be removed from his post of president because of pension reform]. *Politekspert*. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/politexpert/valentin-katasonov-putina-izza-pensionnoi-reformy-mogut-otstranit-s-posta-prezidenta-5b90a69b23420100aaa08c11> [Accessed 13/07/18].
37. Khazin M.L. (2018) O printsipakh i posledstviyakh vzaimootnoshenii vntri vertikalii vlasti [On the principles and consequences of relations within the power vertical]. *Khazin.ru*. Available at: <https://khazin.ru/articles/155-otstavki-i-naznachenija/58785-o-printsipakh-i-posledstviyakh-vzaimootnosheniy-vnutri-vertikalii-vlasti> [Accessed 10/08/18].
38. Kleimenov I.M. (2015) *Sravnitel'naya kriminologiya: kriminalizatsiya, pre-stupnost', ugovnaya politika v usloviyakh globalizatsii. Dokt. Diss. Abstract* [Comparative criminology: criminalization, crime, criminal policy in the context of globalization. Dokt. Diss. Abstract]. Omsk.
39. Klyamkin I., Shevtsova L. (1999) *Vnesistemnyi rezhim Borisa II: nekotorye osobennosti politicheskogo razvitiya postsovetskoi Rossii* [Non-systemic regime of Boris II: some features of the political development of post-Soviet Russia]. Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi Publ.
40. Kopaeva E.V. (2013) *Evolyutsiya politicheskikh rezhimov v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii. Dokt. Diss.* [Evolution of political regimes in the subjects of the Russian Federation. Doct. Diss.]. Moscow.
41. Korovin V. (2018) Smart oligarkhiya: est' li u rossiiskogo "bol'shogo biznesa" sotsial'naya otvetstvennost'? [Smart oligarchy: does the Russian "big business" have social responsibility?]. *Zavtra* [Tomorrow]. Available at: http://zavtra.ru/blogs/smart_oligarhiya [Accessed 10/08/18].

42. Kryshchanovskaja O. (2005) *Anatomie der russischen Elite. Die Militarisierung Russlands unter Putin*. Köln: Kiepenheuer und Witsch Verlag.
43. Kryshchanovskaja O. (1995) Transformatsiya staroi nomenklatury v novuyu ros-siiskuyu elitu [Transformation of the old nomenclature into a new Russian elite]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1, pp. 51-65.
44. Kryshchanovskaja O., White S. (2005) The rise of the Russian business elite. *Communist and Post-communist Studies*, 38 (3), pp. 293-307.
45. Lepekhin V.A. (2018) Zapros rossiiskoi elity na konservatizm blokiroval razvitie strany [The request of the Russian elite for conservatism blocked the development of the country]. *IP Instituta EAES* [IP of the Institute of the EAEU]. Available at: <http://i-eeu.ru/category/news/zapros-rossijskix-elit-na-konservatizm-blokiroval-razvitie-strany/> [Accessed 18/08/18].
46. Levitsky S., Way L. (2010) *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press.
47. Libman A., Obydenkova A. (2012) The Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons from the Russian Regions. *Post-Soviet Affairs*, 28 (3). Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.2747/1060-586X.28.3.346> [Accessed 16/07/18].
48. Lipman M., Hale H.E., Petrov N. (2010) Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes. *Carnegie Endowment for International Peace*, 106.
49. Magen A., Risse T., McFaul M. (2009) Introduction: American and European Strategies to Promote Democracy – Shared Values, Common Challenges, Divergent Tools? *Promoting Democracy and the Rule of Law. American and European Strategies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 1-33.
50. McFaul M. (2018) The smear that killed the "reset". *The Washington Post*. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/posteverything/wp/2018/05/11/feature/putin-needed-an-american-enemy-he-picked-me/?amp;noredirect=on&noredirect=on&utm_term=.be176366310a [Accessed 09/08/18].
51. Mommsen M. (2007) Putins "gelenkte Demokratie": "Vertikale der Macht" statt Gewaltenteilung. In: Buhbe M., Gorzka G. (Hrsg.) *Russland heute. Rezentralisierung des Staates unter Putin*. Wiesbaden: VS Verlag.
52. Mommsen M. (2008) Wer wird Russland regieren? Die Kreml-AG. In: Schreiber N. (Hrsg.). *Russland. Der Kaukasische Teufelskreis oder Die lupenreine Demokratie*. Klagenfurt: Wieser Verlag, pp. 26-49.
53. Mommsen M. (2009) Das politische System Rußlands. In: Ismayr W. (Hrsg.). *Die politischen Systeme Osteuropas*. Wiesbaden: VS Verlag.
54. Mommsen M., Nußberger A. (2007) *Das System Putin. Gelenkte Demokratie und politische Justiz in Russland*. München: Verlag C.H. Beck.
55. Mommsen M. (2010) Rossiiskii politicheskii rezhim: neosovetskii avtoritarizm i patronazhnoe prezidentstvo [Russian political regime: neo-Soviet authoritarianism and patronage presidency]. *Zhurnal'nyi klub "Intelros"* [Intelros Magazine club], 6. Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-74-6-2010/8293-rossijskij-politicheskij-rezhim-neosovetskij-avtoritarizm-i-patronazhnoe-prezidentstvo.html> [Accessed 11/06/18].
56. Nikitin A. (2018) Pentagon ob'yavil o popytkakh Rossii i Kitaya sozdat' novyi miroponyadok [Pentagon announced attempts by Russia and China to create a new world order], *IA Vzgljad*. Available at: <https://vz.ru/news/2018/9/5/940423.html> [Accessed 11/06/18].
57. Nikitina O. (2018) Khasbulatov podtverdil popytku El'tsina sbezhat' v po-sol'stvo SShA [Khasbulatov confirmed Yeltsin's attempt to escape to the United States embassy]. *IA Vzgljad*. Available at: <https://vz.ru/news/2018/8/20/937893.html> [Accessed 19/06/18].
58. Nußberger A. (2010) Perestroika die Zweite? *Russland-Analysen*, 198, p. 9.
59. Perkins J. (2005) *Confessions of an Economic Hit Man*. Plume.
60. Perkins J. (2008) *The Secret History of the American Empire: Economic Hit Men, Jackals, and the Truth About Global Corruption*. Plume.
61. Popova O.V. (2011) Politicheskaya konkurentsia v kontekste transformatsii politicheskogo rezhima v Rossii [Political competition in the context of transformation of the political regime in Russia]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Rossiiskaya politika v usloviyakh izbiratel'nogo tsikla 2011-2012 gg."* [International scientific conference "Russian politics in the conditions of the electoral cycle of 2011-2012"]. Moscow: Rossiiskaya assotsiatsiya politicheskoi nauki Publ., pp. 158-159.
62. Potapov D.V. (2018) Tekhnologii transformatsii politicheskikh rezhimov: perspektivy protivodeistviya v gosudarstvakh nezapadnogo tipa [Technologies of transformation of political regimes: the prospects of counteraction in non-Western countries]. *Voprosy politologii* [Questions of political science], 8 (8-36).
63. Putin V. (2007) Vystuplenie na forume storonnikov Prezidenta Rossii [Speech of the President of Russia at the forum of supporters]. *IP Kremlin.ru*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/by-date/21.11.2007> [Accessed 13/06/18].
64. Robinson N. (2011) Russian patrimonial capitalism and the international financial crisis. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 27, pp. 434-455.

65. Rogov K. (ed.) Osnovnye tendentsii politicheskogo razvitiya Rossii v 2011-2013 gg. Krizis i transformatsiya rossiiskogo avtoritarizma [Main trends of Russia's political development in 2011-2013. Crisis and transformation of Russian authoritarianism]. *Fond "Liberal'naya missiya"* [Liberal mission foundation]. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/653> [Accessed 11/06/18].
66. Rozov N.S. (2015) Teoriya transformatsii politicheskikh rezhimov i priroda neopatrimonializma [The theory of transformation of political regimes and the nature of neopatrimonialism]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], 6, pp. 157-172.
67. Salin P.B. (2016) Transformatsiya politicheskikh predpochtenii rossiyan: sotsi-al'no-politicheskii analiz [Transformation of the political preferences of Russians: social and political analysis]. *Vestnik Finansovogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Bulletin of the Financial University. Series "Humanities"], 3 (23), p. 27.
68. Schraeder P.J. (2003) The State of the Art in International Democracy Promotion: Results of a Joint European-North American Research Network. *Democratization*, 10 (2), pp. 21-44.
69. Sejnys V. (2003) Zehn Jahre parlamentarische Erfahrung im postsowjetischen Russland – eine (persönliche) Zwischenbilanz. In: Bos E., Mommsen M., Steinsdorff S. von (Hrsg.). *Das russische Parlament. Schule der Demokratie*, pp. 87-108.
70. Sharafutdinova G. (2010) Subnational Governance in Russia: How Putin Changed the Contract with His Agents and the Problems It Created for Medvedev. *The Journal of Federalism*, 40 (4), pp. 672-696.
71. Siegert J. (2009) Von Fehlern im System und Systemfehlern. Eine Polemik. *Russland-Analysen*, 194, pp. 34.
72. Solov'ev A.I. (2015) Pravyashchaya elita Rossii: k voprosu o mekhanizmakh i tekhnologiyakh politicheskogo gospodstva [The ruling elite of Russia: the question of the mechanisms and the technologies of political domination]. In: Duka A.V. (ed.) *Vlast' i elity* [Power and elite]. Saint Petersburg: Intersotsis Publ., pp. 152-171.
73. Solov'ev A.I. (2016) Gosudarstvo kak proizvoditel' politiki [State as a producer of policy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], 2, pp. 90-108.
74. Sombart W. (2018) *Economic Life in the Modern Age*. Routledge.
75. Stykow P. (2006) "Einiges Russland": Die "Partei der Macht" als Staatspartei? *Russland-Analysen*, 115, pp. 2-5.
76. Trizman D. (2012) *Istoriya Rossii. Ot Gorbacheva do Putina i Medvedeva* [History of Russia. From Gorbachev to Putin and Medvedev]. Moscow: Eksmo Publ.
77. Tyan V.V. (2016) Osobennosti evolyutsii politicheskogo rezhima v paradigme si-stemnogo krizisa i stranovoi identifikatsii (kontseptivno-paradigmalyi podkhod) [Features of the evolution of the political regime in the paradigm of the system crisis and country identification (conceptual-paradigmatic approach)]. *Vlast'* [Power], 2, pp. 57-63.
78. Weber M. (2012) *The Theory of Social and Economic Organization*. Martino Fine Books.
79. Whitehouse M. (2018) What Comes After Putin Could Be Trouble. Interview with O. Kryshchanovskaya. *Bloomberg Opinion*. Available at: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-08-25/putin-s-succession-plan-could-be-trouble-for-russia> [Accessed 19/06/18].
80. Wigell M. (2008) Mapping "Hybrid Regimes": Regime Types and Concepts in Comparative Politics. *Democratization*, 15 (2), pp. 230-250.
81. Zubarevich N. (2016) Chetyre Rossii i novaya politicheskaya real'nost' [Four Russia and the new political reality]. *Polit.ru*. Available at: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians [Accessed 18/08/18].
82. Zygar' M. (2016) *Vsya kremlevskaya rat'* [The whole Kremlin army]. Moscow: Intellektual'naya literatura Publ.